ЯКУБ КОЛАС

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

ЯКУБ КОЛАС

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

ПЕРЕВОД С БЕЛОРУССКОГО

Под редакцией М. Исаковского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА"
МОСКВА 1935

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В настоящий сборник включены избранные стихотворения *Якуба Коласа*, написанные им в период с 1904 по 1934 г.

В сборнике не имеется произведений, относящихся к периоду с 1917 по 1926 г.

Объясняется это тем, что в указанный период *Якуб Колас* работал главным образом над крупными эпическими произведениями, как в прозе, так и в стихах. За этот период им написаны повести: «*В полесской глуши*», «*На просторах жизни*» и «*В глуби полесья*» и поэмы: «*Симон музыка*», «*Новая земля*» и «*На путях свободы*», каждая из которых по объему много больше настоящего сборника, в котором даются в авторизованном переводе лирические произведения *Якуба Коласа*.

*
* *

Не ищите светлых песен,
У меня их больше нет,—
Если песню заиграю,
Потемнеет ясный свет.

Я смеялся бы, шутил бы,
Только смех не веселит,
И едва вокруг посмотришь,
Сердце больно защемит.

Несчастлива наша доля:
Ничего нам не дала.
Не ищите цвета в поле,
Ведь весна к нам не пришла.

1904

НЕМАН

Льется Неман по долинам,
Как небесная роса.
Проложил он путь свой длинный
Сквозь зеленые леса.

Гой ты, Неман, наш навеки!
Поишь ты и кормишь нас.
Утлый ялик человека
Ты в волнах носил не раз.

А весною на просторы
Древний дуб, лютуя, гнал,
Подымал ты льдины-горы,
Луг и поле заливал.

Затоплял леса и долы,
Все смывая невзначай,
За плотами плот тяжелый
Уносил в далекий край.

Сколько раз рыбацкий невод
На груди твоей гулял.
Гой ты, Неман, быстрый Неман!
Сколько дум ты мне нагнал!

Ты знаком с постылой долей,
С горькой долей мужика,
Ты слыхал в пустынном поле
Причитанья бедняка.

Вечерами над тобою
Плакала свирель не раз,
Как слезинка за слезою,
Песня падала в тот час...

А у берега, под дубом,
В ночь ненастную рыбак
Под разодранным тулупом
До утра дрожал, бедняк.

В непогоду ветер шалый
Ветви над тобой сгибал,
И в тебе косарь усталый
Пот кровавый омывал.

Над тобою месяц круглый
В ясном небе тихо плыл,

И с тобой высокий, смуглый
Лес шептался — говорил.

Ты прорезал край природный
Белорусса-мужика...
Ты, наш чистый, наш свободный
Неман — быстрая река.

Ты течешь далеко, знаю —
До немецкой стороны:
Расскажи чужому краю,
Как живут твои сыны.

1906

КРАЙ РОДИМЫЙ

Край родимый, край наш бедный!
Лес, болота да песок...
Там лужок, едва приметный...
Частый ельник — невысок.

А туман — стена сплошная!
Все закроет невзначай.
Ой, сторонка ты родная!
Ой, забытый богом край!

Наше поле плохо рóдит,
Нищий тут живет народ,
Весь в грязи он, бедный, ходит,
Льет над пашней тяжкий пот.

Пригорюнились избушки,
Глянешь — сердце защемит,
На дворе — зола да стружки,
Мусор кучами лежит.

Крест замшелый при дороге,
Купа тощих тополей...

Так тоскливо, что в остроге.
На кладбище — веселей.
А как песня понесется —
Сколько муки в песне той!
Эх, бежать — куда придется
От той песни проклятой!

Край родной, родное поле!
Ты глядишь, как сирота,
Грустен ты, как наша доля,
Ты — как наша темнота.

1906

ПЛОТОВЩИКИ

Торбы за плечами,
Вдавленные груди,
Вот на сплав толпами
Двигаются люди.
Необуты ноги,
Лицо загорело,
Рубищем убогим
Чуть прикрыто тело.
Сзади чуть ступает,
Хлеб везет кобылка,
Злобно понукает
Бедную Кирилка...
Солнце жжет жестоко
Лист не колыхнется,
По спине широкой
Пот ручьями льется.
Серебром сверкает
Неман, как зеркальный.

Долго не стихает
Шум и говор дальний.
Слышно перебранку,
Слышен голос бодрый:
«На барбару[1], Янка!
Бери гартоль[2], Пётра!
Опускай шырыгу[3],
Прысом[4] двигай влево!
Попроворней! Мигом!
Не зевать там, эй, вы!»
Кормовой без толку
Толстый руль толкает.
Головной Миколка
Бедняка ругает.
Ломит плот дугою,
Вот на берег сбросит,
Быстрою водою,
Точно змея, носит.
На мели застряли.
Крик, сердитый голос...
Порты поскидали,
Все в воде по пояс.

---

1 Барбара — толстая веревка, свитая из лозняка.
2 Гартоль — деревянный толстый кол, привязанный к веревке. Исполняет роль якоря.
3 Шырыга — бревно, которым останавливают плот.
4 Прыс — шест вроде багра.

(Прим. автора.)

Бомы[1] ухватили:
«Рразом, хлопцы, рразом!
Ну же, что есть силы!
Ну, еще наляжем!»
А на самой зорьке
Ветер расшумится —
Плотовщик в каморке,
Точно пес, ложится.

Плотовщик в походах
Знает стужу, холод,
Знает он невзгоды,
Знает он и голод.
Что ж? Нужда погонит,—
Только силы тратишь,
Только кости ломит,
Как простуду схватишь.

Эх ты, доля, доля!
Голод ты, голота!
Не своя тут воля,
Не своя охота.

1908

---

[1] Бомы — толстые шесты, которыми поднимают и переворачивают колоды. (Прим. автора.)

ДРУЗЬЯМ

Гей, друзья мои.
Где вы, милые?
Вихри лютые
Да постылые

Разогнали вас
Во все стороны,
И дороги вам
Все оборваны.

Тропы узкие
Терном поросли,
И не видно вам
Ничего вдали.

Нет ни хат у вас,
Ни углов своих,
И смолк голос ваш,
И ваш смех затих.

А за что, за что
Всех вас увели,
За что гонят вас
Прочь с родной земли?

Эх, друзья мои!
Сами знаете:
Жарким пламенем
Вы пылаете.

Не тушите ж вы
Тот огонь святой,
Озаряйте им
Вы свой край родной...

Что ж? Пускай ветра
Надрываются,
И враги пускай
Насмехаются,—

Хоть на дереве
Сникла вся листва,
Вновь весна придет
И взойдет трава.

1908

***

— Что ж, Григорий, поправляйся,—
Слухи есть — земли дадут.
Не болей, брат, поднимайся,
Хорошо дела пойдут.
— Эх, Никола, что нас тешишь? —
Стар ты, сед, а как дитя.
Нет, не будет нам житья,
Коль панов не перевешать!

1907

ЖНИВО

Чахлая рожь пополам с бурьянами,
Колос не гнется зерном до земли.
Кинуты в тощую почву севцами
Тощие жита взросли.

Женщины вышли с серпами на жниво
В лаптях лозовых, а кто без лаптей.
Ропщет пустыми колосьями нива,
Нива не радует жней.

Жницы вздохнули. На межи с заботой
Скудный сложили припас в узелках.
Молча за тяжкую взялись работу
На безотрадных полях.

Жарко. Не скоро опустится вечер
Душно. Работа тяжка и долга.
Ломит от боли и спину и плечи,
Деревянеет рука.

Спутались стебли, цепляется колос.
Горстку нажав, разогнулась жнея,
Рожь положила на скрученный пояс.
Тяжкая, жница, работа твоя!

Полон безмолвием полдень горячий,
Пышет несносно от жаркой земли.
Только услышишь — дитя где-то плачет.
Только звенят возле уха шмели.

1908

МАТЬ

Неприветно через окна
Смотрит ночь глухая.
Тихо в хате. Всё семейство
Смолкло, отдыхая.
Только мать сидит за пряжей,
Хоть и ноют плечи.
Старая не спит. Согнулась,
Примостясь у печи,
И прядет, прядет кудельку...
Усталь нарастает.
По стене за веретенцем
Тень бежит густая.

Перед ней горит лучина,
Искрами стреляя.
За окошком плачут вербы
И метель гуляет.
Зябнут вербы на морозе.

Ветер колобродит,
Забивая снегом двери,
Хороводы водит.
Вьется нить воспоминаний
И картин угрюмых.
Вторит вой седой метели
Материнским думам.

И встает перед глазами
Дней былых обличье:
Даль промчавшегося детства
И лета девичьи,
Солнце промелькнувших весен,
Дни ненастий частых —
Все, что жизнь преподносила,
Где-то спрятав счастье.
Все припомнилось старушке,
Горько бедной стало,—
Набок голову склонила,
Пряжу оборвала.

С болью вспомнила о муже —
Рано смерть скосила.
Малых деток он покинул,—
Без поры могила.
Бедный муж! Он жил надеждой:
Дни придут когда-то,

Принаймет клочок земли он,
Приукрасит хату...
Ох, был горек хлеб батрацкий!
Но с чужого поля
Не сошел он. Бился тщетно:
Умер под неволей.

Гаснет дымная лучина,
В хате потемнело.
Петухи пропели. Полночь.
Мать сидит за делом.
Тянет нитку, веретенце
Торопливо вертит.
Словно нищий запоздалый
В дверь стучится ветер.
Подгоняет думка думку;
Нудной вереницей
Выплывают, уплывают...
Женщине не спится.

Тяжело она вздохнула:
О сынке гадает,
Что в остроге, под замками
Кару отбывает.
И за что? — в толк взять не может
Бедная старушка...
Ну, какой закон мудреный

Сын ее нарушил?
Ветер воет за углами,
По полям бродяжит.
Тянется за думой дума,
Словно нити пряжи.

Зябнут вербы на морозе,
Лес шумит тревожно.
Думка думку выкликает,
Мать заснуть не может.

1908

МОГИЛКИ

Круглое поле. Пригорки, каменья,
Лес по краям — как стена.
Тихо вокруг все. Нудно на сердце.
Пташка не крикнет нигде ни одна.

В поле могилки одни-одиноки,
Прясла гнилые на ров полегли.
Крест, пригорюнясь, склонился печально,
Много их, много — у самой земли.

Кое-где дерево — елка, березка.
Дождик могилки полил и размыл.
Вот где от горя мужик отдыхает,
Вот где он думы и горе укрыл.

1908

НАША ВОЗЬМЕТ

Мы ходим, спотыкаемся,
Шатаемся, как пьяные,
Мы с голодом сроднилися —
Истерзанные, рваные.

Осмеяны, обруганы,
Идем, совсем заплеваны,—
Богатыми обмануты,
Неволею окованы.

В густой грязи затоптаны,
В глухие щели брошены,
Глаза у нас — завязаны,
И уши — запорошены.

Одно мы знаем на̀твердо:
Пусть век еще скитаемся,
А все-таки когда-нибудь
Мы с правдой повстречаемся.

1908

ДЕРЕВНЯ

Тесно сбились наши хаты,
Как овечки в летний жар,—
Для огня тут корм богатый,
Если вспыхнет вдруг пожар.

Хлев, и погреб, и гумёнца
Под одну собрались плешь.
Без стекол, в тряпье — оконца,
Снег и ветер бьются в брешь.

Под окошком — загородка.
Промелькнет цветок кой-где.
И травой да рудометкой
Лук глушится на гряде.

Зеленеют два-три клена,
Глянет липа из-за хат.
Садик кое-где зеленый,
Низких вишен редкий ряд.

Грабли, сани под стрехою,
Колья, сошка, борона,
Палка с хвойною метлою
Вбита в землю у окна.

Летом — пыль, а в непогоду
Не проедешь: слякоть, грязь...
Тут добра крестьянин сроду
Не видал, всю жизнь трудясь.

Тут нужда живет людская,
Привязалось горе тут,
Смерть детей и немочь злая
Тут нашли себе приют.

1908

«ОСАДИ НАЗАД!»

Дрянь — мое житьишко,
Все идет не в лад,
Мне кричат повсюду:
«Осади назад!»
Боже ты мой милый!
Бьюся я, как гад,
Но куда ни кинусь,—
«Осади назад!»

Сватал я девицу,
Ловок был мой сват,
Но дошло до дела,—
«Осади назад!»
Девушка — что надо!
Да сосед Кондрат
Ножку мне подставил,—
«Осади назад!»

Раз попал я в город,
В городе — парад.
Лезу я поближе,—
«Осади назад!»

Пуст от хлеба зàсек,
Жито выбил град.
— Старшина, дай ссуду!
— «Осади назад!»

Без гроша оставшись,
Я работать рад.
— Нет ли работенки?
— «Осади назад!»

Весь я оборвался,
Лезет с плеч халат.
— Помогите, люди!
— «Осади назад!»

Сына вывесть в люди
Захотел Игнат.
— Господа, вот сын мой!
— «Осади назад!»

Хлеб в село прислали,
Для голодных — клад.
Пру и я с мешочком,—
«Осади назад!»

Голову имею,
Был бы депутат,
Ну, так ценза нету,—
«Осади назад!»

Правда (что таиться!),
Был и мой черед:

Два разочка в жизни
Вышел я вперед.
Взбунтовал село я.
Ой, был тяжкий год!
Приезжает пристав:
— Выходи вперед!
Это ты, мерзавец,
Взбунтовал народ?
Гей, городовые!
Дать ему «вперед»!

1908

КОНСТИТУЦИЯ

Конституцию ввели,
Отворили двери
И в острог нас повели,
Стали бить, как звери.

Витте важно заявлял —
Помните свободу.
После ж кукиш показал
«Верному» народу.

Речь вели насчет земли
В Думе депутаты.
Им кулак преподнесли,—
Разошлись по хатам.

Наш епископ Михаил —
Туровский и минский —
Только черной сотне мил,—
Делает по-свински.

Стаей гончих по Руси
Пристава летают,
Травят нас: куси! куси! —
Словно дичь, стреляют.

Развелося, как грибов,
Стражников ретивых.
От плетей да от шнуров
Покраснели нивы.

Сколько всяких строгих мер, —
Ни конца, ни краю.
Конституцию теперь
Мы отлично знаем.

1908

МУЖИК

Я — мужицкий сынок:
Ни двора, ни кола!
Поле — желтый песок,
Хата в землю ушла.

Не живу, а гнию,
Словно мышь в западне,—
Видишь долю мою:
Крест тяжелый на мне!

Я болота сушу,
Надрываю живот,
За бесценок кошу,
Рою землю, как крот.

Каждый угол глухой
Своим телом подмел,
Лес расчистил густой
И дороги провел.

Да не езжу по ним,
А шагаю пешком
По тропинкам глухим
Без сапог, босиком.

Сколько за̀мков возвел,
Сколько фабрик, мостов,—
Сам же гол, как сокол,
Побираться готов.

Под окошком не раз
Я с сумою ходил,
Подаянья у вас
Христом-богом просил.

Меня мочит роса,
Меня солнце палит,
А от песни — слеза
На глаза набежит.

Я по свету бродил,
Кости всюду занес,
И повсюду пролил
Много слез, много слез.

То не дуб вековой
Заскрипел, застонал —

Это я, млодой,
Богу душу отдал.

Мерно колокол бьет,
То звучней, то затих.
Дьяк, гнусавя, споет
На поминках моих.

На могилке моей
Крест подгнивший стоит,
А над грудой костей
Вольный ветер шумит.

Я мужицкий сынок,—
У меня нет дорог.
Моя школа — шинок,
Моя доля — острог.

1908

ВОСХОД СОЛНЦА

Посмотри: восток играет
Переливным блеском,
Сыплет золото над гаем
И над перелеском.

Чуть лишь дрогнет и прольется
Пурпур на восходе —
Небо ясно улыбнется
Людям и природе.

Смех задорный, смех счастливый...
Будет день горячим,
И рассвет нетерпеливый
В небе звезды прячет.

Утро, крылья расправляя,
Тьму нещадно гонит.
Выкатился шар, пылая,
Лег на небосклоне;

Шлет снопы лучей тугие,
Стелет блеск багровый,
Как одежды дорогие,
На свою дорогу.

Разодралась тьмы завеса,
Мрак с полей расплылся,
Поредел туман над лесом,
Луг росой умылся.

Огневые волоконца
Ткутся в шелк червоный —
Это тучки ладят солнцу
И деньку короны.

В поле запах хлеба слышен...
О, каким покоем
Радости и силы дышит
Солнце вот такое!

И какие в небе краски!
Хор цветов чудесен...
Так бывает в редкой сказке,
Так бывает в песне.

1908

ПИСЬМО ИЗ ОСТРОГА

Напиши, коль будет ласка,
Письмецо до хаты!
Сына — пишет мне Параска —
Приняли в солдаты.

Охо-хо! — Прокоп вздыхает,
Думая о сыне,
А в руке письмо сжимает
И конвертик синий.

Просит-молит грамотея,
Шапку снял уныло.
Сам писать он не умеет,—
Где учиться было?

На мякине вырастал он
С горем да с бедою.
Сладость жизни познавал он
Собственной спиною.

А теперь, гляди, попался
В список арестантский:
Донесли, что собирался
Подпалить лес панский.

— Что ж тебе писать, кручина?
— А пиши-ка с богом,
Что поклон жене и сыну
Шлю я из острога.

Напиши: родные, вас я
Здесь не забываю.
Каждый божий день и час я
Дом свой вспоминаю.

Жонка моя дорогая,
Не обидь Ивана.
Попроси, коль не хватает,
Денег у Степана.

Пусть сосед не поскупится,—
Отдадим, отплатим,
Парню ж надо нарядиться,—
Не итти в заплатах.

Приодень его в дорогу
И обуй, как люди.

Денег дай, хотя немного,—
Веселее будет.

Подкорми свинью, Параска,
Если корму хватит.
Ветчина своя на пасху
Будет очень кстати.

Если ж дома — недохватки,
Если корму мало,—
Заколи и с полдесятка
Фунтов вышли сала.

Сын мой! Снастью рыболовной
Нечего бросаться,—
Пригодится... Вентерь новый
Почини-ка, братец.

Чтобы зря не гибла лодка,—
Положи под кровлю:
Будет — что твоя находка,
Как пойдем на ловлю.

Все, что можно, сохраните:
Будет срок — вернусь я.
Старый нерет отнесите
Михалю с Габрусем.

Книги, кроме часослова,
Все отдайте Гришке.
Пусть читает на здоровье —
Он ведь любит книжки!

Сын родимый! Попрощаться
Загляни ко мне ты,—
Не увижусь, может статься,
Не узнаю — где ты.

Не горюйте, не грустите,—
День настанет новый.
Что ж поделать? Потерпите...
Будьте все здоровы!

1909

У ПОРОГА

Пред железными дверями
Темного острога
Ждет крестьянка, хочет видеть
Сына дорогого.

Ох, сынок! Сидит, соколик,
За стеной высокой
В злой беде, в терзаньях долгих
И в нужде глубокой.

Поглядеть хотя б немного
На него — охота...
К сыну рвется мать, и тяжко
Грудь томит забота.

И стоит, и ожидает —
Час длиннее года.
Злые люди,— их не тронет
Матери невзгода.

Сыро. Пронял ветер-сивер
До костей все тело.
И к дверям тюрьмы подходит
Старая несмело.

Мокрый узел завернула
Старенькой тряпицей
И иззябшею рукою
Робко в дверь стучится.

Загремел ключом тюремщик,
Выглянул в оконце.
— Что тебе? — спросил сердито.
— Ой, мое ты солнце.

Мне нельзя ли видеть сына?
Я сдаля, соколик...
— Опоздала ты, старуха,
Приходи во вторник,

А теперь домой иди ты
И — бывай здорова! —
И оконце загремело
Злобно и сурово.

Боже! Сколько простояла,
Времени убила,

Кучу денег на дорогу
Даром загубила.

Как ей быть? Кто растолкует,
Кто помочь ей в силе?
И к кому пойти, молиться,
Чтоб к сынку пустили?

Жалость к сердцу подступила,
Охает бедняжка,—
Сын в тюрьме уж третье лето,
Сын страдает тяжко.

Забастовку сын устроил
На дворе у пана,
И за то враги в темницу
Отвели Степана.

Постояв, опять у двери
Руки обивает:
У начальства встретить правду
Старая мечтает.

Вот начальник сам подходит
К воротам железным.
— Милый барин! Золотой мой,
Золотой, любезный!

Повидать позволь мне сына!
Из села я, милый!
Пожалей меня, старуху!
Больше нету силы.

Видишь — дождь холодный сеет
Меленько и тошно.—
...Поглядел начальник зверем,
Рявкнул: — Невозможно!

Тяжко, тяжело вздохнула
Женщина от боли.
Видно, ей такое горе
Выпало на долю.

И в отчаяньи взглянула
Мать, скрестивши руки,
На тюрьму, на дом страданья
И безмерной муки.

И никто не отозвался
На ее стремленье,
И осталось без ответа
Горькое моленье.

1909

МУЖИК

Я — мужик, бедняк постылый,
И меня жалеет всяк:
Кровь сосет и тянет жилы,
Надрывает мои силы,
Прижимает так и сяк.

Я — мужик. В неволе лютой
На мякине вырос я.
От ботвы — живот раздутый,
Ноги в лапотки обуты,
Рвань — одежда вся моя.

Я — мужик, я — сын заботы,
Не доем и не досплю.
Надрываюсь над работой,
День стараюсь за два злотых[1],
Издевательства терплю.

---

1) Злóтым называли в Белоруссии пятнадцатикопеечную монету. (Прим. перев.)

Я — мужик, не слышу звона,—
Все же ест меня червяк:
А не врет ли поп с амвона,
Что царю дал бог корону?
Ой, не может быть, не так!

Я — мужик, но ум имею —
Будет время и мое.
Я молчу, кричать не смею,
Но когда-нибудь сумею
Крикнуть: «Хлопцы, за ружье!»

1909

ТЕМНОТА

Люд мы бедный, темный,
Век живем слепыми,
Судимся, грыземся
С братьями родными.
И один другого
Часто обираем,
И к чему работать —
Сами мы не знаем.

Пусто в бедных хатах:
Чад, и грязь, и сырость...
Кто загнал нас в угол?
Чья такая милость?
На кого мы служим?
Что мы получаем?
На кого все соки,
Силы истощаем?

Под ярмом извечным
Шли мы без дороги,

Посбивали ноги.

Посбивали ноги,
Понукали нами,
Гнали, как скотину,—
Истощенных, нищих,
Натрудивших спину.

А все дармоеды
Дружно нас ругают,
Мужиком да хамом
Злобно попрекают.
Эх вы, дармоеды,
Тля вы, дрянь людская!
А кто вас, проклятых,
На плечах таскает?

1909

ПЕСНЯ ВЕСНЫ

Песни в поле, шум и гомон.
Ну, и выдался ж денек!
Снег источен, лед надломан,
Запевает ручеек:

«Эй, друзья — ручьи, потоки,
Ожидать не время нам!
Гайда, гайда в путь далекий —
К тем широким берегам!

Гляньте, труженики пашен,
Сколько мчим воды мы в свет!
Единенье — сила наша,
В единеньи — путь побед.

Мы в полях дороги знаем,—
Не заблудится вода.
В знаньи — сила. Эй, за нами —
Все, кого гнетет нужда!

Мы несемся, гоним воды,
Заливая берега.
Спайка — первый шаг свободы
И защиты от врага.

1909

ДОЛЯ БАТРАЧКИ

Мать в батрачки отправляет
Дочку молодую
И с трудом слезу скрывает
Горькую, скупую.

— От чужих не жди потачки,
Делай все с оглядкой,
Будь послушною, батрачка,
Да терпи, дитятко!

Ох, не раз от горя очи
Заплывут слезою,
Станет жизнь темнее ночи,
Тяжко быть слугою.

Кулаки не пожалеют
Ручек твоих белых,
Пот ручьями гнать сумеют
С щечек загорелых.

Встанешь утром раньше зорьки,
Выйдешь первой в поле...
Ох, дочушка, хлеб твой горький,
И не слаще доля! —

Мать судьбе своей покорна,
Дочку утешает,
Только к сердцу тучей черной
Жалость подступает.

Вот уж девушка готова
В путь итти далекий.
— Ну, матулька, будь здорова! —
И целует в щеки.

— Ну, бывай!..— Не совладала
Мать с тяжелым горем —
Плачем голос ей прервало,
Стынет скорбь во взоре.

Вышла мать за ней, с тоскою
Стала у порога,
Подперев лицо рукою,
Смотрит на дорогу,

На дорогу, на тропинку,
Где шагает Ганна,—

И слезинка за слезинкой
Взор ее туманит.

И пока платочек белый
Не исчез у бора,
Все глядела мать, глядела
Долгим грустным взором.

1909

ЗА ПОДАТИ

Сколько раз за недоимки
Староста пугает.
Ой, пущай уж! Горько с ними,—
Кто о том не знает!

А тут писарь приезжает
Вместе с старшиною...
Как же быть, и что же делать
С горькою бедою?

— Подождите, ради бога! —
В ноги повалился...
А наутро я с Красулькой
Со своей прости

Замычала, заревела
Бедная корова.
Сердце кровью обливалось
От такого рёва.

Плачет горькими слезами,
Причитает жонка,
Словно в землю провожает
Мертвого ребенка.

Я крепился, шел с Красулей,—
Муть перед глазами.
За деревню вышел — слезы
Полилися сами.

1909

ГУСИ

Зори далекие, зори печальные
Тихо горят над землей.
Крики знакомые, крики прощальные
Слышны вечерней порой.

С полночи-холода, с севера бурного
Гуси на полдень летят,
Землям родным с поднебесья лазурного
Весть о зиме голосят.

Дикие гуси! Вы скроетесь, вольные,
От седовласой зимы.
Хочется с вами мне в степи раздольные,
К свету и солнцу из тьмы.

С вами б! Но дни отлетели свободные.
Крылья подрезали мне
Двери тяжелые, стены холодные,
Прутья железа в окне.

1910

ПЕРЕД СУДОМ

Не в солдаты провожает
Мать родного сына,
Не на заработки к пану,—
Едет в суд детина.

Знает мать, что там не шутят,—
Судьи судят строго,
Хоть сынок ее не грабил
По глухим дорогам;

Не убил, не обесславил,—
Нет, помилуй боже!
Он сказал — но что же в этом? —
Что так жить негоже;

Жить и гнуться; пред богатым
Ползать червяками;
Что достаточно терпели
Долгими веками;

Что давно пора за разум
Бедным людям взяться;
Что порядков справедливых
Нужно добиваться;

И чтоб справиться с неправдой
Да с бедою,— нужно
Всем подняться неимущим
На богатых дружно.

Конь запряжен. Все готово.
Смутная дорога.
От нее седой старухе
Лишь одна тревога.

Закипают в сердце слезы:
— Что же, что же будет? —
В уголок зашла и плачет,
Чтоб не знали люди

Ни печали материнской,
Ни кручины лютой.
— С богом, милый! Пусть пошлет он
Добрую минуту.

Конь пошел. И заскрипели
По дороге сани.

Посмотрел назад бедняга
    Грустными глазами.

У двора стоит старуха,
    Головой кивнула
И непрошеные слезы
    Рукавом смахнула.

Вот и поле. Конь — рысцою.
    Ветер поддувает.
Оглянулся парень, — хата
    В далях пропадает.

И слезу смахнул украдкой
    Горькую, большую.
Ох, не скоро он увидит
    Сторону родную!

1910

МЕТЕЛИЦА

Низко свисла над землею
Туча снеговая.
Свищет ветер за стеною,
В печке завывает.

Стонет лес несокрушимый,
Стонет бор сосновый,
И ведут его вершины
Разговор суровый.

Белой пылью даль закрыта,
Буйно вихри ходят,
Просевают снег чрез сито,
Хороводы водят.

Грозно крылья поднимают
Над седой поляной.
И сугробы вырастают —
Что твои курганы.

Эх, гуляют вихри в поле,
Ветровые дети!
Я завидую их доле —
Вольно петь на свете!

Ой ты, ветер, сын простора!
Что ты, шалый, просишь?
Не мое ли это горе
Ты в полях разносишь?

1910

ЗИМА

Подошли морозы,
Речки заковали,
Белые березы
Инеем убрали.
Замели дорогу
Белыми снегами.
Лес, как дед убогий
С длинными усами,
Ветки над лощиной
Свесил сиротливо.
Изредка вершины
Зашумят тоскливо.
Мягкая перина,—
Тонет взгляд, взирая...
Белая равнина —
Без конца и края.
Под пеленкой белой
Травы и листочки.

Речка онемела,
Смолкли ручеечки.
Омертвели лозы,
Ветки чуть качают,
А в полях морозы
Да ветры гуляют.

1910

ТУЧИ

Тучи, тучи, вы, что в небе
ходите горами,—
Если б крылья, полетел бы
я на волю с вами!..
Полетел бы в край родимый,
сердцу вечно милый,
Где я вырос, где мне радость
молодость сулила.
Полетел в луга, где Неман
в берег бьет волною,
Где, играя, легкий ветер
говорит с листвою,
Где над Неманом избушка
лепится убого,
Где так пыльно будет летом,
где песков так много.
Полетел бы я к курганам
тихим, молчаливым,

К тем пригоркам, где весною
зеленеют нивы!
Ой, летел бы с вами, тучи,
я в тот лес тенистый,
Где вдыхаешь всею грудью
хвои дух смолистый!
Тучи, тучи, вы, что в небе
ходите горами,—
Если б крылья, полетел бы
я на волю с вами!

1910

ПЕВЕЦ

— Что ты грустен? — мне сказали. —
Что поёшь ты все про горе?
Эти песни — крик печали,
Слезы ветра на просторе.

Ты сложи нам песню воли,
Чтобы дух наш разыгрался,
Чтоб напев широкий поля
В струнах сердца отозвался;

Чтоб на нас весна дышала,
Грела душу теплотою,
Чтобы сердце нам ласкала
Тихим счастьем, добротою.

— Ой, вы, люди! Нет ведь воли:
Мысли скованы цепями,
Наши нивы пусты в поле,
Злобный вихрь шумит над нами.

Я ли сердцем не болею?
Я ль душою не томился?
Но пою я, как умею,—
Радость петь не научился.

1910

ПЕВЦУ

Запевай ты мне песню такую,
Чтоб мне душу палила она,
Чтобы в ней ты недолю людскую
И все горе исчерпал до дна

Расскажи, как в неволе живется,
Как нам душно под властью ярма,
Как томится душа наша, рвется
И как жизнь пропадает дармà.

А ту скорбь, что житьем называем,
Сотряси, разворочай до дна.
Пусть в груди нашей сердце взыграет
И в душе отзовется струна.

Чтоб любой услыхал твое слово,
Даже тот, кто душой заскоруз,
Чтобы головы никли сурово,
Чтоб затрясся взволнованный ус.

Запевай же ты песню такую,
Чтобы молнией била она
И сжигала недолю людскую,
И гремела, вся гневом полна.

1910

ВО ТЬМЕ

Погляди-ка, браток,
Что за темень вокруг!
В тучи месяц уплыл,
Звезд не видно, мой друг.

Не слыхать голосов
Свежих, вольных, живых.
Только совы кричат
В чащах темных, глухих.

Филин вторит лишь им,
Темный житель дупла.
Погляди-ка, браток,
Что за темень и мгла.

Только редко во тьме
Свет пугливо мигнет,
Будто волк из кустов
Злобным глазом блеснет

Этот свет — не огонь.
Это — ложь и обман.
Погляди-ка, браток,
Как густеет туман!

Эх, темно же у нас —
И дорог не признать,
И просвету нигде
Не видать, не видать!

В тучи месяц уплыл,
И свет звездный потух.
Погляди-ка, браток,
Что за темень вокруг!

Но не бойся, мой брат,
Этой жуткой тиши
И огня своего
Не туши, не туши!

Ночь пройдет, сгинет тьма,
Непроглядный мрак-тень,
Смолкнут совы в дуплах,
Как покажется день.

1910

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДУМЫ

Невеселая, голодная,
Ветром, стужами богатая,
Эх, весна, весна холодная,
Чем порадуешь оратая?

Не растут хлеба — горбатятся,
Зря работа вся великая.
Кашка в озими лохматится,
В яровом — сурепка дикая.

Взглянешь на луга муравные —
Жолкнут травы и стареются,
Да холмы кой-где бестравные
Бородавками желтеются.

1911

РАССТАВАНЬЕ

Последний разок из-за туч водянистых
Пробилося солнце приветным лучом.
Согрело вершины деревьев безлистных
И дол осветило, политый дождем.

Все тихо. Так тихо, что высказать трудно!
Порою услышишь — листок упадет,
Да шмель или пчелка в тиши непробудной
Унылую песню свою заведет.

Глядишь, — и сдается, что всюду разлита
Тоска по весенним промчавшимся дням,
Что листья завяли, что жизнь вся прожита,
Что ветер холодный идет по полям.

А солнце так ясно, так радостно греет,
Как будто в утеху нам хочет сказать,
Что холод уйдет, что весною повеет,
Что лес и луга засверкают опять.

Последняя ласка в последнем сияньи! —
Осеннее солнце в туманном кольце —
Как будто улыбка в часы расставанья
На юном и свежем девичьем лице.

1911

* * *

Эй, скажи, что это значит,—
Ты, кого в ярмо впрягают,
Чью свободу попирают:
Сам тоскуешь, доля плачет,
И повсюду недостача.

Сеешь в поле ты немало,
Хоть и скупо всходит нива,—
Отвечай же мне правдиво:
Что тебя здесь приковало?
Иль других путей не стало,

Или мир тебе закрылся?
Иль ты слеп и глух, быть может?
Ребра видны сквозь одежду,
А сквозь шапку чуб пробился;
Что ж ты век терпеть решился?

Не слыхал о лучшей доле?
— Ой, пустился б я в дорогу,
Только слез ведь пролил много,
Только пота море пролил
Там, где всходят песни боли;

Только твердо верю в то я,
Что посев наш в поле диком
Гневом вырастет великим
И затопит он все злое,
Все несчастье вековое.

1912

БУДЬ ТВЕРДЫМ

Ты не гнись, мой брат, вовеки
зеленой травою:
Выкуй счастье человека
собственной рукою.
Хоть толкуют, что с поклона
голову не ломит,—
Знай: еще с ярма-полона
слово это ходит.
Не проси и не надейся
вовсе на подмогу:
Сам с судьбой-злодейкой бейся,
сам ищи дорогу!
Хоть помогут тебе люди
отыскать дороги,—
Лишь собьешься, снова будешь
обивать пороги.
Не ласкайся к сильным, милый,
лестью честь не купишь:

Будешь жить чужою силой —
образ свой забудешь.
А едва начнешь шататься —
люди отшатнутся.
Лучше вольным, брат, сломаться,
чем терпеть, да гнуться!

1912

ПРИЗЫВ ВЕСНЫ

Ты приди, весна желанная,
Приди!
Зовом жизни, песней дела
Загуди,
На пригорки, на долинушки
Взгляни,
Сон тревожный, сон наш тяжкий
Разгони!
Ты неси нам радость, силушку
Неси,
Нашу леность и унынье
Отряси.
Ты лети на крыльях птицею
Скорей.
Обласкай теплом согбенных,
Обогрей.
В нашу жизнь и в нашу долюшку
Вглядись,

Над хлебами теплым дождиком
Несись.
Прокатися громом-стуком
В небесах,
Разбросай дары чудесные
В полях.
Ты порадуй урожаями
Наш край,
Ты приди и с нами дружно
Запевай!
Струны всколыхни сердечные
Живей,
Чтоб нам было жить на свете
Веселей.
Так иди же к нам, желанная,
Иди.
Растолкай ты нашу дрему,
Пробуди!

1912

БУДЕТ ГРОЗА

Ночь наступает, и тучи встают,
Лозы тревожно беседу ведут,

Шепчутся робко листы меж собой,
Спрятался месяца рог золотой,

Начали грозно зарницы играть,
Гром посылает могучую рать,

Тьма подступает мрачней и мрачней...
Грянь же ты, буря, да грянь посильней!

1912

ВЕТЕР

Эй, западный ветер с далекого края!
О чем ты заводишь ночной разговор?
Кого ты жалеешь? Про что вспоминаешь?
Кому посылаешь тяжелый укор?

Мне грустно с тобою. Слезами, стенаньем
Ложится напев твой на этих полях.
О чем ты тоскуешь глухим причитаньем,
Тяжелые слезы роняя на шлях?

Безмерной печалью ты дали окутал.
Веселое небо кручиной покрыл.
Скажи мне — какого ж ты ищешь приюта?
Над кем ты заплакал? Так жалобно взвыл?

Скажи мне — по ком ты поминки справляешь,
Протяжно вздыхая у каждых ворот?
Быть может, всемирный ты вихрь поднимаешь,
Услышавши стоны и вдов и сирот?

Эй, ветер разгульный! Ты вечно в дороге,
Ты вечный изгнанник, певец маяты.
Повсюду печальный, повсюду — в тревоге,
Ни сна, ни покоя не ведаешь ты.

1914

ДУМА СОЛДАТА

Разлучился солдат со своею семьей,
Распрощался он с домом своим.
Знает сумрак лесной, где ступал он ногой,
Что̀ за думки вилися над ним.
Замирала душа, млело сердце его,
На глаза набегала слеза.
Он оставил жену и детей... на кого?
Хоть от жалости выплачь глаза.
Размышляет бедняк, с горя сник головой,
Что тревогой о доме полна.
И казалось, что с ним плакал бор густой,—
Видно, дума у них-то одна.
В незнакомой дали он дождется чего? —
Пропадет, будто вовсе не жил.
И не скажет никто, где могила его,
Где он кости свои положил.

Сквозь лесные прогалины тучки видны,
В синем небе их никло руно.
И казалось, что с ним тосковали они,
Будто с ним у них горе одно.
«Эх, за что? Ну, за что, расскажите вы мне,
Я обязан других убивать,
Иль калечить себя в этой дикой войне
И под пули свой лоб подставлять?
Вы, что сели вверху, как вас, каты [1], назвать?
Вам не жаль подневольных рабов,
И господство свое вы готовы спасать
Миллионами наших голов».

1916

---

[1] **Кат** — палач.

КАК ПОП СДЕЛАЛСЯ АВИАТОРОМ

(Народная сказка)

I

Разные истории
Были на Полесьи,
Был и с этим батей
Случай интересный.
Поп Никита
Сеял жито
На полях церковных,
А в святые дни
Недели
Батя тоже был
При деле,—
Стриг овец духовных.

Пас их батя очень строго,

И заботы
Было много, —
Все предвидеть надо:
Чтоб на исповедь ходили,
Чтоб их черти не ловили,
Не пугали стада.
Надо знать, иметь смекалку —
Как в руках держать Михалку
Под святым покровом.
И Таклюсю и Марьянку
Просвещал он спозаранку
Благодатным словом.
В общем ясно, что хлопот
У Никиты — полон рот.

II

Рядом с лесом и болотом,
Где шумит лоза с чаротом,
Поп имел земельки клин —
В пять иль в десять десятин.
И лишь кончились морозы,
Навозил туда навозу
И засеял всю ологу
От болота по дорогу.
Только стал всходить овес —
Бах! — беду послал Христос:
У засеянной земли

Появились журавли.
Не стесняются, заразы!
Вот уж, право, чорт принес!
Больше, больше с каждым разом
Жрут они попов овес.
Поп вопит: «Пришла напасть! —
Может весь посев пропасть.
Надо ж быть такой беде!
Где искать управу, где?..»

Цит.

— Рухнул, батюшка, твой план:
Не вернешь ты и семян...

С Цитом батюшка поохал, —
Дескать, вижу — дело плохо.
Цит был хитрый человек,
Он с попами прожил век.

Цит.

— Вот как, батя, беду отведи ты —
Будет мясо, и будет овес!
В крепкой водке овес намочи,
Журавлям на болото стащи.
Журавли наедятся, насытятся
И от водки, увидишь, скопытятся.
Ты навяжешь их целый воз, —
Будет мясо, и будет овес!

III

Цит на верную вывел тропу —
Очень весело стало попу.
Намочил полосьмины он разом
И отправил врагам долговязым.
Наклевались овса журавли,
Опьянели и влоск полегли.
Поп добычу схватить торопился
Он веревкой кругом обкрутился
И — давай журавлей собирать
Да за длинные ноги вязать!
Прикреплял их к веревке оборками
С назиданьями да с поговорками:
Мол, разделаюсь с вами я скоро,
Мол, не делайте, черти, раззора,
Не зарьтеся, мол, на готовое,
Племя вредное да непутевое!
Вяжет поп — берет охота, —
А они лежат, как мост,
Как вояк нетрезвых рота...
Слава богу — кончен пост!
Поп старается, потеет,
Хочет всех перевязать.
Кличет Цита и Мацея,
Чтобы диво показать.

Журавли от громких криков

Отрезвели — бог ты мой! —
Все в смятении великом,
Поп ни мертвый, ни живой! —
Отрывается поп от земли,
Полетели с попом журавли.
Ой, летят журавли,
Поднимаются.
Волоса у попа
Развеваются,
Ветер небо метет
Рясой жалкою,
Поп ногою толчет,
Словно палкою.
Но опоры нет, —
Зря он пробует,
Зря своей ногой
В небо топает.
Журавли летят
Над болотами,
Над болотами,
Над чаротами.
Журавли летят
Да над лозами,
Журавли летят
Над березами...
Где ж ты, где ж ты, божья милость! —
Вдруг веревка раскрутилась, —

Птицы вверх, а бедный поп
Полетел к земле, как сноп,
И в болото сразу — гоп!
Видно — кочки, да трава,
Да попова голова.

IV

Испугался поп, раскис:
Никуда — ни вверх, ни вниз.
Начал помощи просить:
«Ой, спасите как-нибудь!
Я в грязи стою по грудь!»
Недалеко
Одиноко
Полешанин драл лозу.
Просит батя:
«Друже, брате!..»
Аж готов пустить слезу.
Савка вышел,
Он услышал.
Что за лихо! Кто кричит?
Оглянулся,
Содрогнулся:
Голова в траве торчит!..
Дело скверно —
Чорт, наверно.

Кто ж тут может быть у нас? —
Волосастый
И горластый
И в болоте — в самый раз!

Савка.

Кто такой ты?

Поп.

Поп Никита.

Савка.

Врешь ты, вижу, сатана!

Поп.

Стань поближе, разгляди ты.
Зависть — вот моя вина.

Савка.

Брешешь, собака:
Ты не поп, а чертяка!

Поп.

Ну, ей-богу ж, я поп, батюшка ваш!..
Уважь меня, Савка, уважь!

Савка.

Послушайте вы обормота! —
Разве ж место попу — болото?
Крутишь, нечистая сила!
Если поп, — покажи мне кадило!

Поп.

Спаси меня, Савка:
Ей-богу, я поп.

Савка.

А где камилавка
Твоя, остолоп?
Меня не обманешь,
Меня не предашь.
Ты жулик и плут,
А не батюшка наш!

Поп.

Поп я, Савочка, поп!
Гляди — крещу лоб.

Подошел Савка поближе —
Будто бы поп — с бородкою рыжей.
Взял тут Савка в руку
Добрую лозину.

Савка.

Крестишь лоб? А ну-ка,
Покрещу я спину.
«Во имя отца!» — скрёб!
«И сына!» — да в горб!
И раз через ухо.
— Ну, теперь я вижу — поп,
Помогу с охотой...

Он за плечи батю сгреб,
Вынес из болота.

1927

БОРЦАМ ЗА ОКТЯБРЬСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

Бушевала буря с силой нестерпимой,
А вы шли упорно, шли неудержимо;
Буйствовало море, и валы вскипали,
А вы шли упрямо — вас манили дали.
Бухали мортиры, грохотали громы,
А вы шли вперед все вихрем-буреломом,
Разбивали цепи, вековые путы,
А везде таился враг лихой и лютый.
Ой, и был с врагом бой за мир и счастье!
Не хотел мир старый уступить вам власти.
Каледин, Петлюра, Врангель и Деникин
Двинулись навстречу в исступленьи диком.
Шел им на подмогу враг из-за границы,
Но побед над вами не могли добиться.
Смерть, опасность всюду вас подстерегала —
И борцов в дороге сгинуло немало.
А дорога ваша — горы, перевалы,
Все вы одолели с силой небывалой.

Пройден путь почетный, трудный и великий,
Не зальет его тот сумасбродно-дикий
Шквал, что нам готовит Чемберлен упорный,—
Кинуты по миру революций зерна,
И взошли те зерна, не пропали втуне —
Правдой стали наши грезы о Коммуне.

1927

ВРАГАМ

Еще колючки проволочных заграждений
Торчат в земле — проклятый след войны!
Еще на кладбищах кресты видны
Над головами жертв кровавых столкновений,
Еще не вспаханы поля былых сражений,
Валы окопные не снесены.

А вы, прислужники кумира золотого,
Острите вновь концы своих клыков
И пеной брызжете из злобных ртов!
Вам кровь нужна! Возжаждали ее вы снова!
Вам нестерпим расцвет союза трудового,
Где всем владеет мир былых рабов.

Ну, что ж! Пускайте в ход и клевету и подкуп,
Науськивайте псов под хрип ворон!
Вам не сломить бунтующих колонн!

Нет сил у вас сдержать могучую походку
Свободной массы, сбившей с ног своих колодку,
Чтоб новой жизни возвести закон!

1927

ПАНСКАЯ ЛАСКА

К процессу над «Громадой»

За вашу «ласку» панскую,
За хитрость шарлатанскую
Спасибо вам, паны!
«Добра» несете много вы —
Забрались в наши логова,
Кнутом оснащены.
Наслали всюду всадников,
Жандармов и урядников,
И прочего дерьма.
Все в кунтушах, фасонисты,
Да жулики без совести —
К нам ломятся в дома.
И эти вот «добрòдии»
Немало тут нашкодили
С великого ума:
И «польский дух» привадили,
И край наш весь загадили
Ксендзовской болтовней,

Ксендзы же «веру правую»
Подносят нам, лукавые,—
Что делать с ней такой?
Нас не возьмешь костелами,
Церквами да соборами,
На чорта нам ваш рай!
Торгуйте себе душами,
Как редькой или грушами,
А нас вы не замай!
Но горе в том, коханные,
Что вы пришли незваные
И ломитесь в наш край.
Назвали его «кресами»
И вместе с пе-пе-эсами
Навешали обуз:
От Пинщины до Случчины
Под сапогом пилсудчины
Горюет белорусс.
И нет ему отдушины,
А стон его придушенный
Взвели вы в смертный грех!
Паны! В том нет достоинства —
Судить народ за стон его,
Ведь это — просто смех!
Рекорд, паны, побили вы,
И как вы ни увиливай,
Вам ровни — не нашли,

И тактику ксендзовскую,
И школу муравьевскую
Недаром вы прошли!

1928

К ОДИННАДЦАТОЙ ГОДОВЩИНЕ

Идут года железным строем
Борьбы, побед, во мгле дорог.
Враг притаился и прилег,
Грозит Советам он бедою.
Но тише, гады! Вам ли с бою
Опять ступить на наш порог?

Все ваши рухнули строенья;
Моль съела затхлый ваш кафтан,
И не видать гнилых сутан;
Вам в плахах не найти спасенья,
И нам не страшны покушенья
И ни коварный ваш обман.

Крепчает вал. В могучем вале
Дружней напор, сильней разгон.
А имя валу — легион.

Давно отжившие скрижали
На грозном сгинут перевале.
Уж новый пишется закон.

Идут с борьбою неустанной
По сотням троп, в пылу отваг,
Года побед. Как тверд их шаг!
Но бодрствуй, друг, во мгле туманной!
Храни свой край обетованный,—
Ведь не сложил оружья враг.

1928

ЯНКЕ КУПАЛЕ

К 25-летию литературной деятельности

Была пора. Томилось наше поле
Под стужею житейских непогод.
Так шел за годом год,
Молчал, терпел народ,
Забитый и задушенный неволей.
Была пора. Слова легли под спудом,
Под кованым жандармским сапогом,
И в сумраке немом
Чуть слышным ручейком
Звенели наши гусли-самогуды.
Печалились и плакали их струны,
Да слушал их в полях — один туман,
Болото да курган,
Да на меже бурьян.
Корчма ж была и школа, и трибуна!
Но час пробил, и луч свободы глянул,
Как будто солнечный прорвался жар.

Нашел ты путь, гусляр,
И песенный свой дар
Понес ты голосом трибуна и баяна.
Твой зов гремел, и полнилась криница
Отточенных, как меч, и выкованных слов.
И в слове том цвело
Все наше горе, зло
И обещанье зорьки-заряницы.
Прошли года. Повеял мощный ветер
В слепую полночь вековой нужды,
Народные ряды
Сомкнулись вновь, тверды,
Под лозунгом коммуны всего света.
Упал тиран. Пути вперед готовы.
Мильоны рук — держава и венец...
Греми ж еще, певец!
Коснись людских сердец —
Сильней зови, сильней — к победе новой!

1930

К 13-й ГОДОВЩИНЕ

(Немного истории)

Начиналось большое смятенье,
Всюду слышался крик:
Как посмел большевик —
Отщепенец, проклятый с рожденья —
Бунт в России поднять,
На Антанту плевать,
Не итти на врага в наступленье?!

Злость кипела, как вихри в пустыне.
У банкира отнялся язык:
Долг не хочет платить большевик,
И доход погибает отныне!
Был банкир, как в огне,
И таков его гнев,
Что, видать, никогда не остынет!

И банкир поднял на ноги прессу,
Поднял шум на весь свет
И войною пошел на Совет —
На Архангельск, на Мурманск, Одессу.
Но случился конфуз:
Большевистский Союз
Выгнал вон — из степей и из лесу!

Облизнулись тогда буржуяки
И с другого конца
Посылают гонца,—
Мол, в России — свои же вояки:
Есть Корнилов, Юденич, Деникин, Колчак,
И про то знает всяк —
Без работы томятся, бедняги.

Так собрали лихих генералов,
Пушки им припасли
И сказали: вали!
Не жалея, громи что попало!
Разгоните тоску,
Путь держите в Москву,
Проучите московских нахалов!

И поперли, пошли генералы.
Но не больше чем в год

Провалился поход:
За границу дают они драла!
Большевик — хоть бы что...
Ну, подумал ли кто,
Чтоб теперь его власть устояла!

Нос повесил банкир от досады.
Он уж думает так:
Толку нет от вояк,—
Лупит их большевик без пощады
Вот блокаду б сюда,—
Это — лучше куда!
Задохнётся он сам от блокады.

И банкир вновь являет «отвагу»:
За подлогом подлог,
За подвохом подвох,—
Без фальшивки не ступит и шагу...
Но идет большевик
И могуч, и велик
По широкому вольному шляху.

Зорким взглядом он смотрит повсюду,
Враг гнилой старины
И хозяин страны —
Не теряет он зря и минуты:
То возводит завод,

То плотину взметнет,
То в земные врывается груды.

Всюду — крепкие умные руки,
Всюду жаркий порыв.
На полях он создал коллектив,
Кулакам заявил о «разлуке».
Он шагает вперед,
Он работу ведет
По последнему слову науки.

Тут от злости банкир зеленеет:
Что за чорт? Большевик —
Как какой чаровник:
Он и строит, и пашет, и сеет.
Если верно судить,—
Большевик позади
Всю Европу оставить сумеет!

Что же делать? Большая задача!
Есть еще один план:
Папа Пий, Ватикан,—
Наш Христос ведь в Совдепии плачет.
Смолк там благостный звон,
Бога выгнали вон,
Духовенству — во всем неудача.
Заступись же, отец,

За духовных овец!
Дай достойный ответ,
Ты ведь — божий полпред,—
Так — в крестовый поход, не иначе!

Началися угрозы, интриги,
Всё пошло в оборот.
За походом — поход,—
Бухарест, и Варшава, и Рига.
Все — банкир, и заводчик, и поп
Уж готовили гроб
Пятилетке советской великой.

Но под злобные эти страданья
Разных вражеских клик
Твердо шел большевик,
Воздвигая прекрасные зданья.
Дух его — монолит,
Как скала, как гранит.
Он ли дрогнет под те завыванья?

1930

ПАНАМ-ВОЯКАМ

Пристукнули
«Шабэльками»
Полковники-паны.
Не терпится
Пилсудчикам:
Им хочется войны.
Съезжается
Собраньице
Заплечных мастеров.
Шушукаются,
Силятся
Разжечь огонь костров,
Чтоб с дымом их,
С пожарами
Вновь двинуться в поход.
Но знаем мы
Их замыслы —
Магнатов, воевод.

Он близится,—
Истории
Неотвратимый суд:
Желают н а м
Погибели,
А будет и м капут.
Полковнички,
Охотнички!
Мечи вам — по плечу?
Припомните
Старинное
Присловие — мечу!

1930

СТРАНЕ СОВЕТОВ

Отзвенели унылые звоны,
Забурели, поникли кресты —
Знаки злой темноты.
Новый край разметал все препоны,
И ручьи побежали по склонам,
Орошая земные пласты.

В диких чащах дремучего леса,
Среди тинистых, топких болот —
Удивляешься — что ни год:
Оживают луга повсеместно,
Загораются зори чудесно,
Освещая великий поход.

И играют ветра-самогуды
На высокой струне проводов,
На гитарах столбов,

Что бегут, как гонцы с Осинбуда[1],—
Чтоб рабочему вольному люду
Привет передать хоть без слов.
Шум строительных дней не смолкает
У станков и в просторах земли.
Слышны песни вблизи и вдали.
Так уверенным строем шагает,
К счастью, к радости путь пролагает
Настоящий хозяин земли!

Не узнать Беларусь нам сегодня,—
Разогнулся трудящийся люд.
Грохот, шум, гомон, гуд...
Стяг победы невиданной поднят...
А за Неманом — тяжкие стоны,
А за Неманом — тюрьмы да кнут.

Так позволь же, краина родная,
Твой приветствовать мощный разгон
Песню-быль, сказку-сон.
А погибшим за счастье народа,
За отчизну рабочих, свободу —
Мой печальный и низкий поклон!

1930

---

[1] **Осинбуд** — Осинстрой.

ПОЛЬСКИМ ПАЛАЧАМ

Польша — высший цвет культуры,
Польша — блеск Европы,
Только захлебнулись тюрьмы
Кровью «хамов-хлопов»!
На намыленной веревке —
«Чудо» из Варшавы —
Строят хитрецы уловки,
Ладят бал кровавый.
Страх, тревога в панском сердце —
Ветер от востока.
И готовят изуверы
Вновь поход жестокий.
Стон, и плач, и скрежет адский
Слышно за дверями.
Палачи — военный, штатский...
Кровь... могилы-ямы...
В дикой злобе сатанеет
Бельведерский рыцарь,—

Перед этим днем бледнеет
Время инквизиций.
Точка в точку, слово в слово,
Не меняя моды,
Повторяют Муравьева
Паны-воеводы.
По застенкам вновь расправы
Дефензива множит —
Пан Пилсудский, в честь и славу
Ваших панских ножек!..
Гром орга̀нов по костелам —
Ксендзы бога молят,
А по городам и селам
Бродит черный голод.
Ходит зло из хаты в хату,
Сеет месть и злобу
И кует, готовит кату
Гвозди в крышку гроба...
Беспокойно пана сердце —
Срок, как видно, близко:
Не сдержать вам, изуверы,
Силы большевистской!

1931

КО ДНЮ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Были годы в глуши
Голодавшей страны и забитой.
Край сохи, шалаши,
Вместо крыш — камыши,
Невеселое, тощее жито.

Безыменный был край,
Жил народ, тяжесть горя изведав.
Ветру песни пел гай,
Сказ ходил, то и знай,
Старосветский от прадедов-дедов.

Лад тут строил вещун,
Да свистала по спинам нагайка.
На болотах — багун,
На Полесьи — колтун.
В том вся слава и сказка-всезнайка.

Кто же ведал, скажи,
О забытом народе и крае?

Темь обмана и лжи
Расставляла крыжи[1],
Как столбы по дороженьке к раю.

Были здесь певуны
И рассказчики разных историй.
На стволах ли сосны
Выжгли знак колдуны,
На людское несчастье и горе!

Время тихо плыло,
Лиходеи народ обирали.
Так веками пошло,
Здесь ютилося зло,
Без просвета, под гнетом печали.

***

Прошли года
Тоски, стыда
И плача.
Где ты, беда?
В великий год
Восстал народ,—
И прогнан вот
Помещик-мот.

---

[1] Крыжи — кресты.

Размахнулся
Голый, босый.
Край очнулся,
Безголосый.
И в весельи,
И в сверканьи
Разгорелся
Край в восстаньи.
И в искристой
Речи слово —
Свет лучистый
Дали новой.
Так в огромной
Завирухе
Край спасен был
От разрухи.
Из бездны неминучей
Встал этот край понурый,
И разорвались тучи
Октябрьской грозной бурей.

***

И осиротели
Старые божницы.
Бурно закипели
Новые криницы.

В городах — заводы,
Тракторы — на пашнях
Спели про походы,
О боях вчерашних.

Зеленеют нивы
Сталинским посевом.
Внемлет край счастливый
Молодым напевам.

А в Москве червонной
Беларусь с отчетом:
Нет нужды исконной
Да облитой пòтом.

Говорить же стала
Волей диктатуры:
Пройдено немало
На пути культуры!

* * *

Пути бывали разные,
Блуждали вдоль равнин.
Дороги в годы грозные
Сходились как бы в клин.

Широкие и узкие,
Обрывист их разлог.
Земля же белорусская —
Скрещение дорог.

Известны две — открытые;
И кроме этих двух,
Другие все — размытые:
Полынь там и лопух.

Одна ведет — зачем она,
Дорога обирал! —
На запад, что за Неманом,
Где правит капитал.

Другая — ширь безбрежная —
Нас на Восток ведет,
Бурливая, мятежная,
Нам новый свет несет.

Тьма спала с глаз полночная.
Нам эта ширь видна.
Живи, тропа восточная!
Ты — наша, ты — одна!..

1931

К XV ГОДОВЩИНЕ

Борьба велась годами...
На грани двух эпох
Сверкающий огнями
К победе путь пролег.

Как злые волны, орды
Неслись со всех концов
Под грозные аккорды
Струящих кровь громов.

Гроза была готова
Мир в крови утопить,
Чтоб пульс эпохи новой
Навек остановить.

Чтоб ужасов разгулом
Рабочий стан согнуть,
Прожорливым акулам
Былую власть вернуть.

Но крик раздался дружный:
— Позиций не сдавать!
Товарищи! К оружью!
Советы защищать!

И влили миллионы
По призыву ЦК
В бессчетные колонны
Закал большевика.

Поход их — грохот бури.
Их массовый удар
Рабочей диктатуре
Дал славу навсегда.

От севера седого
До солнечных краев
Пробушевал сурово
Великий вихрь боев.

Просторы Украины,
Таежный бурелом,
И горы, и долины
Дымились под огнем.

И враг погиб без славы,
И выпал его щит,

Разбился шквал кровавый
О ленинский гранит.

Была борьба на грани
Великих двух эпох,
Октябрьского восстанья
Никто сдержать не мог.

И рдеет в нашем флаге
Огонь алей зарниц,
И творческой отваге
Нет никаких границ.

В раздольи на просторе
Шагают наши дни,
И уж горят, как зори,
Днепровские огни

Сменив свой вид, стихия
Напору масс сдалась.
Увидели слепые,
Что значит воля масс!

И хоть подчас колючки
Нам затрудняют путь,
Но жизнь цветет все лучше,
Все шире дышит грудь.

И вырастают годы,
Как новостроек ряд.
Да здравствуют походы
Героев Октября!

24/X 1932

БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ!

Черные тени,
Шопот потайный,
Шум осторожный,
Глухой.

Враг притаился,
Свой, чужестранный,
Замысл скрывает
Лихой.

Выползли гады,
С злостным шипеньем
Пасти раскрыли
Ужи.

Ткут дипломаты
Хитросплетенья,

Точат бандиты
Ножи.

Сговор, союзы
Всюду недаром,—
Жаждут акулы
Крови.

Видишь тут шпоры,
Крест и тиары,
Голос услышишь —
Дави!

Туго завязан
Узел поганый
Шаек всемирных
И клик.

Ткутся, плетутся
Гнусные планы
Против Советов —
Внемли!

Мир старый гибнет,
Сходит со сцены,
Много готовит
Нам бед.

Стой же на страже
Юная смена,
Наш карауля
                Совет!

1932

ШЕСТНАДЦАТАЯ ГОДОВЩИНА

Шаг железный воль единых
Проложил неизгладимый
След за этот год.
Большевистского напора
Не сдержали скалы, горы
И полночный лед.

Волей твердой и стихия
В берега вошла другие —
Реки, водопад;
Властно их наш труд геройский
Вдоль по трассе Беломорской
Повернул назад.

А в пустыне Кара-Кумов
Гимны пел моторным шумом
Караван авто.

Как титаны стали люди,
Увидав, кто их побудил
Биться и за что.

И глубины стратосферы
Большевистский разум смерил,
Как никто нигде.
Творческий задор неистов...
Вейся, знамя коммунистов,
Над землею рдей!

Днепрогэс, Магнитострой!
Честь и слава вам, герои!
Враг, смотри и знай:
Только нам пути открыты...
Так красуйся и живи ты,
Наш Советский край!

1933

КАМАНИНУ, МОЛОКОВУ И СЛЕПНЕВУ

Понурая полночь. Холодное море,
Где буря выводит аккорды глухие,
Где голого льда безобразные горы
Скрывают секреты и тайны стихии.

Отважные люди над мраком пучины
Пошли в наступленье на тайны природы...
Судно их растерли коварные льдины
Под яростный хохот пурги-непогоды...

И к лагерю Шмидта на льду вероломном
Людей миллионы прикованы взором —
Что с лагерем будет над омутом темным,
Кто вызовы кинет губящим просторам?

Нашлися титаны в советской отчизне,
Где ленинский гений руль держит и правит,
Чрез горы, сквозь вьюги, как вестники жизни,
Над лагерем взмыли каманинцы к славе...

Слепнев, и Каманин, и Молоков хмурый!
Достойны вы песен великих поэтов:
Вы, вы покорили стихии и бури
Для гордости, славы Союза советов.

1934

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Стр

Редактор Е. Мозольков
Технический редактор Т. Гончарова
Корректора Б. Костюченков, О. Хохлова
Художник Л. Литвак

*

Сдано в набор 19|VII 1935 г.
Подписано к печати 22/IX 1935 г.
Зак. изд. № 782 Х-60. Зак. тип. № 133
Форм. 72×110 1/32, п. л. 4 1/4.
Тираж 5000, Уполномоч. Главлита Б-8452

*

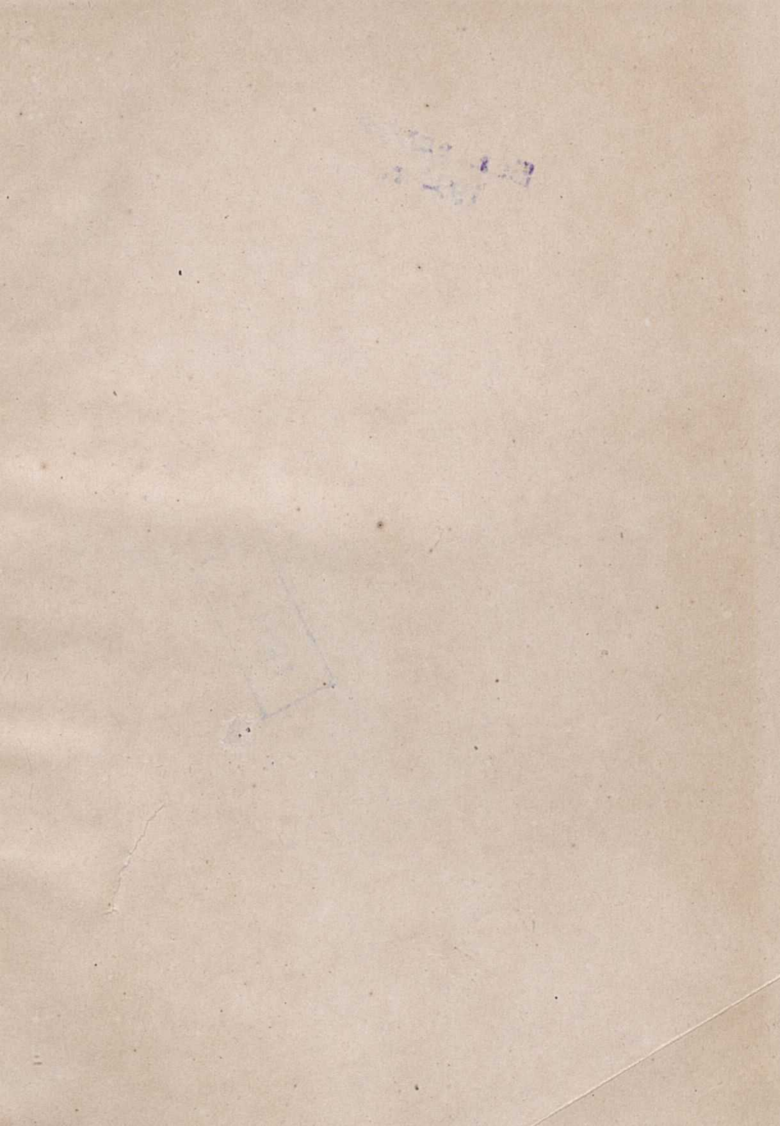
Цена 1 р. 90 к.
Переплет 60 к.

*

Отпечатано на бумаге Каменской
писчебумажной ф-ки

*

11-я тип. Мособлполиграфа.
Москва, 2-я Рыбинская, 3



B000000 195862 1